

²⁴ РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1783. Л. 1–2, 8.

²⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3264. Л. 14–16.

²⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 953. Л. 65.

²⁷ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 347. Л. 95 об.

Г. Н. Ульянова

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ — ВЛАДЕЛЬЦЫ ФАБРИК И МАСТЕРСКИХ: ПО ДАННЫМ СКАЗОК V РЕВИЗИИ 1795 г. *

Ревизские сказки московского купечества конца XVIII — первой половины XIX в. дают представление не только о демографических показателях купеческих семейств, но также в большей или меньшей степени содержат сведения о предпринимательской деятельности.

В нашей статье будет представлен анализ статистических данных о выявленной по ревизским сказкам V ревизии (прошла в Москве летом и осенью 1795 г.) группе купцов, по роду занятий обозначенных нами как «владельцы предприятий — фабрик, заводов, мастерских, мельниц и огородов», — то есть занятых производством товаров на рынок. Всего в эту выборку, сделанную по IV тому «Материалов для истории московского купечества», вошло 634 семейства¹.

В ревизских сказках их род занятий обозначался так:

— «завод имеет медный» («пивоваренный», «кожевенный», «кирпичный», «свешной сальной»);

— «состоит за ним ситцевая фабрика», «имеет красильную фабрику», «фабрику имеет суконную, кумачную и крашение шелков»;

— «мастерство имеет серебряное» («лентошное», «кушашное», «шелковое», «ситцевое», «каламеношное», «стамедное», «сапожное», «башмачное», «портное», «шляпное», «шубное», «перчаточное», «голишное», «медное», «каретное», «шорное», «кузнечное», «обрушное», «серебряное», «золотое сусальное», «семилёровое», «позументное», «снурочное», «золотарное по дереву», «часовое», «иконное», «столярное», «оконишное», «обойное», «каретное», «санное», «гончарное», «стульное», «клееночное», «скорняжное», «гребенное», «переплетное», «свечное вошаное», «табачное», «кондитерное», «хлебное», «садовое» и др.), «мастерство производит портное», «имеет тележное мастерство»²;

— «промысел имеет портное русское мастерство», «промысел имеет платочный набойный»; «промысел имеет содержанием мучной мельницы», «промысел имеет кружевной» («чулошной», «конфетной», «плотничной»);

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-01-00362 «Демографическая история московского купечества по ревизским сказкам III–X ревизий (1762–1858 г.): брак и семья, рождаемость и смертность, социальная и территориальная мобильность».

— «имеет мастерство разматывания карасом шелку», «шерстяную пряжу крутит», «мастерство имеет беление петинок»³, «содержит Полуярославцеву мельницу»;

— «пропитание имеет от шитья рубях», «пропитание имеет плетением кружев», «рукомерство имеет шитье в танбуре золотом», «ремесло имеет скорняжное», «производит художество портное».

Иногда описание предпринимательской деятельности выбивается из общего ряда. Например, о купце 3-й гильдии Марке Анисимове Крылове, 45 лет, прибывшем в купечество в 1795 г. из деревни Еремеевской Медынской округи Калужского наместничества из отпущенных на волю дворовых людей сказано: «мастерство Марка имеет — работает зонтики»⁴.

Взятый для изучения IV том «Материалов для истории московского купечества», содержащий сказки V ревизии и изданный в 1886 г. Н. А. Найденовым, представляет собой ценнейший источник информации, потому что для сказок последующих VI, VII и VIII ревизий сведения о роде занятий крайне фрагментарны (например, место торговли для 1811 г. частично упомянуто только в сказках трех из 33 слобод: Таганной, Казенной и Лужников Девичьих). Сказки же V ревизии 1795 г. содержат относительно полные сведения о производительной деятельности купечества, что дает возможность определить отраслевой состав московской промышленности и выявить некоторые особенности формирования купеческой корпорации.

До сих пор ревизские сказки как источник сведений о предпринимательской деятельности находятся в начале изучения. Они были проанализированы в работах А. И. Аксенова (при рассмотрении династий промышленников из первогильдейского купечества), В. Н. Захарова, О. В. Фоминой⁵. Важные аспекты предпринимательской деятельности купечества и его законодательного регулирования рассмотрены в трудах Н. В. Козловой⁶.

Характеризуя сказки V ревизии, следует сказать, что работа с этим источником является весьма трудоемкой, ибо, в отличие от других томов, указанный содержит вперемешку 10 457 купеческих и мещанских сказок, в том числе около 4 тыс. сказок купеческих семейств.

Довольно скудные и явно неполные сведения содержатся в сказках примерно трети из 33 слобод — Панкратьевской, Голутвенной, Садовой Набережной, Садовой Большой, Таганной, Баражской, Екатерининской, Хамовой, Сретенской, Кожевницкой. Поскольку данные порой представлены самые отрывочные, то, можно предположить, что при составлении ревизских сказок указанных слобод эти сведения не собирались.

Численность московских слобод сильно различалась и в слободу могло быть записано от 50 до 600 купеческих семейств. По нашим подсчетам наибольшими по рассматриваемому показателю были Кадашевская, Садовая Большая, Семеновская, Басманная и Кошельная слободы, в каждой из которых состояло в исследуемый период от 300 до 600 купеческих семейств (что в сумме давало половину всего московского купечества). За исключением Садовой Большой слободы, род занятий для крупных слобод указан, что дает

основания утверждать, что в сказках содержатся сведения о занятиях примерно 80–85 % представителей купечества.

Ранее общий обзор предпринимательской деятельности по V ревизии был представлен в нашей статье, опубликованной в 2016 г. и касавшейся преимущественно торговой активности купцов⁷. В качестве источника мы использовали «Очередную книгу» 1801 г. (приложение к IV тому «Материалов для истории московского купечества»), составленную для показания несения купцами общественной службы, а сами сказки — лишь в качестве уточняющего источника. По «Очередной книге» было выявлено 355 чел. 2-й и 3-й гильдий, занимавшихся производством товаров. Однако дальнейшие подсчеты по полному тексту сказок позволили уточнить численность этой группы, включив в нее женщин (которые занимались предпринимательством, но не несли общественные службы и не были записаны в «Очередную книгу»), именитых граждан, купцов 1-й гильдии и ряд других лиц мужского пола, по неясным причинам, не вошедших в списки «Очередной книги».

Подсчеты по полному тексту опубликованных ревизских сказок представлены в табл. 1 на с. 254.

Далее мы рассмотрим производственную деятельность московского купечества по отраслям.

Статистические подсчеты показали, что среди московских фабрик и мастерских доминировали текстильные — их было 202 и они составляли почти треть (32 %) всех московских предприятий. На втором месте шли мастерские по обработке металлов — 107 предприятий (16,9 %). Далее — 85 мастерских по производству одежды и обуви (13,4 %) и 39 пивоварен (6,2 %).

Все остальные предприятия числом 201 включены в группу «Другие».

Текстильные предприятия включали шелковые (в двух случаях отдельно выделены тафтяные), суконные, ситцевые, позументные, стамедные, коломеночные, кушачные, ленточные, красильные, набойные (набивные), кружевные, а также вспомогательные производства, например, размотку шелка и беление петинок.

Предприятия по обработке шелка были самыми многочисленными — их насчитывалось 52, за ними шли платочные (33), кушачные (31) и ленточные (21)⁸. Следует сказать, что любопытен феномен большого количества ленточных предприятий, однако это был весьма востребованный товар. По делам РГАДА нами рассматривался ассортимент ленточных фабрик, который был весьма разнообразен и, например, мог включать до 10–20 видов разных лент, выпускаемых одним предприятием. Например, на «шелковолентошной» фабрике купца Никифора Родионова в Лефортовской части (где на 43 станках трудилось 48 чел.) в 1805 г. производились ленты: «разноцветные головные дугами», «шленские», атласные — широкие, средние и травчатые, атласные узкие «полухрестиками», «пукету русского», «полупукету», «узкие гладкие», головные «шестипарные», «разномелочные»⁹.

Далее по количеству шли красильные предприятия (12), позументные (11), суконные (7), кружевные (6)¹⁰. Прочих было по пять и менее.

Т а б л и ц а 1. Сводные данные о количестве купцов, занятых в производстве в Москве в 1795 г. по отраслям производства

№	Слобода	Текстильное	Пивоваренное	Обработка металлов	Изготовленные одежды и обуви	Другие	Всего
1	Гостиная сотня	1	—	1	1	—	3
2	Кадашевская	5	2	10	7	32	56
3	Красносельская	1	—	1	1	3	6
4	Панкратьевская	—	—	1	—	—	1
5	Казенная	4	—	1	1	—	6
6	Голутвенная	2	—	1	1	1	5
7	Большие Лужники	2	—	3	1	2	8
8	Гончарная	—	—	—	—	—	—
9	Новгородская	4	1	2	3	6	16
10	Садовая Набережная	—	1	—	1	2	4
11	Садовая Большая	29	2	7	8	23	69
12	Сыромятная	14	1	6	4	14	39
13	Таганная	6	3	6	2	3	20
14	Баражская	1	—	2	1	6	10
15	Семеновская	39	3	12	12	22	88
16	Басманная	2	—	1	—	3	6
17	Екатерининская	1	—	1	—	1	3
18	Кузнецкая	6	1	2	1	4	14
19	Устюжская	1	—	—	—	—	1
20	Алексеевская	—	1	—	1	1	3
21	Огородная	1	1	2	12	1	17
22	Кошельная	21	8	20	8	23	80
23	Дмитровская	13	1	7	3	7	31
24	Хамовая	1	—	—	—	—	1
25	Стретенская	2	—	1	1	—	4
26	Напрудная	2	—	—	—	1	3
27	Бронная	—	—	1	2	4	7
28	Конюшенная Овчинная	2	—	2	1	6	11
29	Кожевницкая	2	—	—	—	3	5
30	Мещанская	4	2	4	1	4	15
31	Мясницкая	4	—	—	1	2	7
32	Лужники Крымские	21	10	9	3	18	61
33	Лужники Девичьи	11	2	4	8	9	34
	Итого	202	39	107	85	201	634

В производстве текстиля были возможны относительно высокие прибыли и в группе текстильщиков находились наиболее богатые купцы. В частности, по 1-й гильдии числились купец Гостиной сотни 24-летний Владимир Турчанинов, которому от отца досталась ситцевая фабрика, и купец Садовой Большой слободы 42-летний Дмитрий Иванов Иконников, о котором было сказано «фабрики имеет суконную, кумачную и крашение шелков»¹¹.

При анализе группы предприятий *по обработке металлов* обращает внимание значительная распространенность мастерских, где производилось «медное мастерство». Из 107 предприятий по обработке металлов 35 работали с медью (упомянуты медные заводы и «мастерство медное», последнее относилось к небольшим мастерским), столько же с серебром, 11 — с сусальным золотом. В эту же группу включены кузницы, которых в руках купечества было 13. В этой группе был крупный предприниматель — 55-летний «первой гильдии купец Владимир Егоров Емельянов», о котором сообщалось, что он «жительство имеет в приходе церкви Успения Богоматери в Кожевниках, своим двором, и завод имеет медной»¹².

Большую распространенность среди промыслов московского купечества имело *изготовление одежды и обуви*. Среди 85 мастерских преобладали производившие «портное мастерство» — их было 32, а также сапожные и башмачные, которых насчитывалось 24. Также восемь мастерских изготавливали рукавицы, голицы (кожаные рукавицы) и перчатки, пять — чулки, четыре — шапки и шляпы. Например, среди владельцев перчаточных мастерских, выпускавших востребованный в холодном климате товар, упомянут 3-й гильдии купец Василий Емельяненко, 66 лет, поступивший с женой и сыном в купечество в 1789 г. «из московских цеховых перчаточных дел мастеров»¹³.

В нескольких случаях для купцов, занимавшихся портновским промыслом, обозначена более узкая специализация, например, пошив женской одежды или русского платья (то есть не европейского типа). Например, вдова купца 3-й гильдии Степана Карпова 30-летняя Анна Иванова продолжала дело мужа и ее занятие упомянуто следующим образом: «мастерство имеет женское портное». Проживала она в доме своего отца — «Оружейной конторы серебряника Ивана Сергеева» в приходе церкви Смоленской Богоматери на Арбате. Другой производитель одежды, 3-й гильдии купец 51-летний Егор Тимофеев, прибывший в Москву в 1786 г. «города Никитска из мещан» (г. Никитск, он же с. Колычево Московской губернии, в 1796 г. стал заштатным, в XIX в. числился в Подольском уезде) и проживавший «в наемном покое», «в приходе церкви Богоявления в Ехолове» (в документах XVIII — начала XIX в. распространено такое написание названия района, позже обозначаемого как Елохово), мастерство имел «портное русское». Отмечено в сказках и довольно редкое занятие — «рукомесло имеет шитье в танбуре золотом». Им занималась 3-й гильдии купчиха, 22-летняя «девка» Марья Наумова, отпущенная на волю в 1793 г. от Е. П. Барятинской «из дворовых девок»¹⁴.

Если производители одежды и обуви имели небольшие предприятия и были чаще записаны в 3-ю гильдию, то среди владельцев 39 *пивоварен* имелась группа купцов, наживших значительные капиталы и состоявших

во 2-й гильдии. Например, к второгильдейцам относились: 37-летний Федор Петров (жил в приходе церкви Николая Чудотворца в Покровском, своим двором, «при доме имеет пивоваренный завод»), 45-летний Трифон Петров Сосин (поступил в московское купечество из крепостных крестьян А. С. Лопухина из д. Селиваниха Бронницкой округи Московской губернии, жил в приходе церкви Воскресения Христова на Таганке, своим двором, «имеет пивоваренный завод»), содержатели пивоваренных заводов — 37-летний Яков Самойлов (жил своим двором в приходе церкви Покрова в Кудрине) и 37-летний Никифор Трофимов (жил в приходе Воскресения в Гончарах в наемной квартире)¹⁵. Указание на владение «своим двором» свидетельствует о зажиточности предпринимателей-пивоваров и прибыльности этого рода занятия.

В группе «*Другие*» насчитывается 22 кожевенных завода, 14 мельниц, 12 столярных мастерских, 10 промышленных огородов и оранжерей (где выращивались на продажу овощи и фрукты).

К примеру, среди купцов Кузнецкой слободы одну мельницу содержал купец 3-й гильдии 47-летний Василий Родионов Набатов, ранее (до 1793 г.) московский цеховой «серебряных дел», а другую — 67-летний купец 3-й гильдии Филумент Матвеев, поступивший с семьей в купечество в 1795 г. из «Владимирского наместничества Киржацкой округи из крестьян»¹⁶.

Анализ сказок позволяет рассмотреть вопрос о переселении в Москву жителей других местностей. Согласно нашим подсчетам, в период между V и VI ревизиями (с 1795 по 1811 г.) прибывшие в Москву из уездов Московской губернии составили 40 % от всего количества семейств; прибывшие в Москву из соседних губерний (Владимирской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, а также Ярославской, в силу экономико-географических причин входившей в круг тяготения к Москве) — 45 %; прибывшие из дальних губерний — 15 %¹⁷. То есть 85 % мигрантов прибывало с территорий в радиусе 300 км, откуда они могли дойти до Москвы пешком.

Среди лиц, прибывших из соседних губерний, определенно можно выявить местности, откуда миграция в Москву шла наиболее активно. К ним можно отнести Переславль-Залесский, Киржач, Покров и ряд волостей Владимирского наместничества, Боровскую и Малоярославецкую округи Калужского наместничества, Егорьевск и ряд волостей Рязанского наместничества и др.

Ревизские сказки, в которых для вновь поступивших купцов указано место прежнего проживания, дают возможность выявить тенденцию компактного проживания в Москве лиц, прибывших из одной местности и поступивших в московское купечество. Нередко они могли производить одни и те же товары, ранее обрета навыки в своих селах и деревнях, где был развит этот промысел. Можно выделить несколько таких групп.

Например, отмечено компактное проживание прибывших из экономических крестьян Боровской округи Калужского наместничества, по-видимому, старообрядцев. Прибыв в Москву, они поселились в приходе церкви Петра и Павла в Преображенском и занимались разными видами текстильного промысла, главным образом, изготовлением кушаков. Можно назвать пятерых купцов Кошельной слободы: 39-летнего Илью Козмина (кушачное),

30-летнего Фрола Терентьева (кушачное), 65-летнего Лукьяна Федорова (гарусное красильное), 30-летнего Юду Афанасьева (красильное), 32-летнего Федора Финогеева (набойное). Илья и Фрол, причисляясь в купечество (соответственно, в 1794 и 1795 гг.), уже имели в Москве свои дома, что позволяет сделать вывод о том, что до поступления в московское купечество они уже проживали в Москве и успешно занимались предпринимательством. Только Юда поселился вдалеке от земляков — в приходе церкви Иоанна Воина у Калужских ворот¹⁸.

В 1795 г. из крестьян Рябушинской слободы «Калужского наместничества Боровской округи экономической Атепцевской волости» прибыли и поступили в 3-ю гильдию два семейства — оба занимались изготовлением серебряных вещей («мастерство имеет серебряное»). 32-летний Василий Иванов с 26-летней женой Афросиньей и детьми стал жить «в наемном покое» в приходе церкви Казанской Богоматери в Сущёве «в доме той же церкви у дьякона Тимофея Иванова». Главой другой семьи была купеческая вдова 3-й гильдии 42-летняя Катерина Иванова (у нее двое сыновей и дочь, 24, 12 и 17 лет), а мастерством занимаясь, видимо, старший сын. Жилье семья наняла у того же дьякона Т. Иванова¹⁹.

Феномен компактного проживания земляков и/или занимавшихся одним и тем же промыслом проявился и в Большой Садовой слободе, где четверо купцов 3-й гильдии — 35-летний Степан Петров, 59-летний Александр Анофриев, 50-летний Артемий Корнилов, 24-летний Венедикт Агафонов — изготавливали сани (указание в сказке — «мастерство имеет санное»). Все они происходили из экономических крестьян и жили в приходе Тихвинской Богоматери на Бережках. Трое из вышеназванных купцов прибыли из сел и деревень Судогодской округи Владимирского наместничества, а один из Московской губернии²⁰. При этом, хотя Петров и Агафонов приписались в московское купечество, соответственно, в 1793 и 1794 гг., они жили «своим двором», то есть, видимо, вели промысел в Москве до выхода на волю из экономических крестьян. Предстоит понять, было ли такое компактное проживание эффективным для благополучного ведения дела, хотя, казалось бы, по логике вещей, это наоборот увеличивало конкуренцию среди производителей одного и того же товара.

В той же Садовой Большой слободе восемь человек занимались производством кушаков, из них семеро (64-летний Ерофей Корнеев, 46-летний Лука Васильев, 62-летний Савелий Иванов, 54-летний Макар Елисеев, 25-летний Иван Алексеев, 43-летний Иван Гаврилов, 36-летний Прохор Иванов) прибыли из Боровской округи Калужского наместничества и происходили из трех волостей — Русиновской, Каменской и Передольской²¹. Пятеро проживали в приходе церкви Петра и Павла в Преображенском, из них трое «своим двором», что указывает на давнюю оседлость в Москве. Еще двое — в приходе церкви Введения Богоматери в Семеновском, находившемся на расстоянии 1,7 км от Преображенского. Вполне вероятно, что при поступлении в московское купечество они стремились поддерживать друг друга, ибо требовалось при причислении в купечество найти 4–5 поручителей — купец давал «расписку

вместо присяги», обещая «государственные подати платить и гражданские службы служить и ничего неблагопристойного и законам противного не чинить». Если же у купца не было денег, то в случае взыскания «те все платежи повинны за меня платить нижеподписавшиеся поручители»²².

Из купцов Огородной слободы девять человек, являвшихся выходцами из экономических и монастырских крестьян Переславля-Залесского и его уезда, занимались «сапожным мастерством»²³. Любопытен факт, что переселившись в Москву (в течение 1786–1795 гг.), они держались друг друга: семь человек сняли жилье в районе Таганки и прилежащих к ней Котельников — в приходах церкви Воскресения и Спаса в Чигасах. Лишь двое поселились в приходе церкви Василия Неокесарийского на Тверской.

В текстильной отрасли активно проявляли себя уроженцы Богородска, Егорьевска и окрестных сел. Так, из егорьевских купцов происходил 30-летний владделец бумажной (хлопчатобумажной) фабрики Семен Иванов, из егорьевских мещан 56-летний Артемий Егоров (суконное производство), из экономических крестьян — 40-летний уроженец Высоцкой волости Егорьевской округи Козма Вавилов (шелковое). Экономические крестьяне Богородской округи пришли в Москву из деревень Зуево, Буньково (Бунково), Андронново, Дуброво, Коровино, Жеребцы, Федорово и др., занимались шелковым, платочным, ленточным, кушачным мастерством. В Москве они предпочитали селиться в Рогожской части, часто в приходе церкви Сергия в Рогожской, где издавна жили старообрядцы, переселившиеся в Москву из других мест²⁴.

Статистические подсчеты продемонстрировали, что большинство предприятий действовало в текстильной отрасли, в сфере обработки металлов, производства одежды и обуви, изготовлении пива.

Анализ данных о компактном проживании групп мигрантов на территории Москвы позволил придти к выводу о формировании земляческих отношений. В ситуации, когда поступление в купечество было сильно затруднено, чувство конкуренции меркло перед сильнейшим желанием укорениться в Москве, порвав с прежним крестьянским сословием и вступив в московское купечество.

Примечания

¹ МДИМК. Т. 4. [Москва. Купечество и мещанство. Сказки 5-й ревизии]. М., 1886.

² Каламенок — пеньковая или льняная ткань; стамед — шерстяная ткань; семилёр — сплав меди с цинком.

³ Петинка — моток пряжи.

⁴ МДИМК. Т. 4. С. 249.

⁵ См.: *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005; *Фомина О. В.* Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶ *Козлова Н. В.* 1) Некоторые аспекты торговой деятельности в России в XVIII в.: (Из истории разработки правовых документов) // Купечество в России, XV — первая половина XIX в. М., 1997. С. 194–218; 2) Хозяйственная активность и предпринима-

тельство купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XVIII веков: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сент. 2001 г.). СПб., 2001. С. 139–144; 3) Семья и отношения родства московского купечества XVIII века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 14–26.

⁷ Ульянова Г. Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 22 (243). С. 108–116. (История. Политология; Вып. 40).

⁸ Состояние мануфактурной промышленности и преобладание шелковых предприятий подробно рассмотрено в монографии: Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. Текстильное производство. М., 1999.

⁹ РГАДА. Ф. 294. Оп. 3. Д. 692. Л. 197.

¹⁰ Позументные предприятия одни исследователи относят к текстильной отрасли, другие — к обработке металлов. На наш взгляд, мишурные и канительные фабрики следует относить к производству металлов, а производство позумента все-таки — к текстильной отрасли.

¹¹ МДИМК. Т. 4. С. 4, 202.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 145, 170, 790.

¹⁵ Там же. С. 325, 334, 589, 595.

¹⁶ Там же. С. 493, 496.

¹⁷ См.: Ульянова Г. Н. Миграция в Москву в конце XVIII — начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года // Миграции. Формирование Российского государства: Материалы Междунар. семинаров ист. исследований «От Рима к Третьему Риму», 2010–2015 гг. М., 2015. С. 84–105.

¹⁸ МДИМК. Т. 4. С. 618, 622–623.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же. С. 228, 239–240.

²¹ Там же. С. 205, 234–236.

²² См., например, подписку Федора Гучкова, данную в дом Московского градского общества «вместо присяги по силе Городового положения 6 статьи»: ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

²³ МДИМК. Т. 4. С. 555–561.

²⁴ Там же. С. 365, 229, 399.

А. В. Морохин

СТАРООБРЯДЦЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ВЯЗНИКОВСКОЙ СЛОБОДЫ XVIII в.

В истории развития торгового сословия Вязниковской слободы в XVIII в. большую роль играли местные предприниматели-старообрядцы. Данный факт уже обращал на себя внимание исследователей¹, однако целый ряд новых данных, извлеченных нами из нескольких российских архивохранилищ, позволяет не только значительно дополнить сведения о предпринимательской деятельно-